

КАРТИНА
ВРЕМЕНИ

ПОРТРЕТЫ ЭПОХИ

Андрей Вознесенский

Владимир Высоцкий

Юрий Любимов

Андрей Тарковский

Андрей Кончаловский

Василий Аксенов...

ЗОЯ БОГУСЛАВСКАЯ

ПОРТРЕТЫ ЭПОХИ

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ	ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ
ЮРИЙ ЛЮБИМОВ	АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ
АНДРЕЙ КОНЧАЛОВСКИЙ	ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ
РУСТАМ ХАМДАМОВ	АРКАДИЙ РАЙКИН
МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ	ВОЛЬФ МЕССИНГ
НИКИТА ХРУЩЕВ	ВАНГА
ТАТЬЯНА ЯКОВЛЕВА	

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б74

В оформлении обложки использована фотография
Валерия Плотникова

В книге использованы фотографии
из личного архива *Зои Богуславской*
и из архива *пресс-службы Фонда Андрея Вознесенского*

Богуславская, Зоя Борисовна.

Б74 Портреты эпохи: Андрей Вознесенский, Владимир
Высоцкий, Юрий Любимов... / З. Богуславская. — Москва:
Издательство АСТ, 2023. — 320 с. — (Картина времени).

ISBN 978-5-17-154422-5

Эта книга об одном из самых интересных и неоднозначных периодов советской эпохи и ее ярчайших представителей. Автор с огромной любовью пишет литературные портреты своего ближайшего окружения. Это прежде всего ее знаменитые современники: Андрей Вознесенский, Владимир Высоцкий, Юрий Любимов, Эрнст Неизвестный, Василий Аксенов, Андрей Тарковский, Андрей Кончаловский, Аркадий Райкин, Михаил Жванецкий и многие другие...

А еще Зоя Богуславская делится с читателями своими незабываемыми впечатлениями от встреч с мировыми знаменитостями: Брижит Бордо, Михаилом Барышниковым, Вольфом Мессингом, Вангой, Нэнси Рейган, Марком Шагалом, Франсин дю Плесси Грей и многими другими.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154422-5

© Богуславская З.Б., текст, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. МОЯ ЖИЗНЬ

Никита Сергеевич Хрущев	9
Ванга	21
Шестое объединение «Мосфильма»	63

Часть вторая. У НАС. Воспоминания

Время Любимова и Высоцкий	115
Аркадий Райкин (травма сквозь асфальт)	141
Рустам Хамдамов (страсти по Рустаму)	150
Василий Аксенов (классик и плейбой)	183
Михаил Жванецкий (снайпер)	196

Часть третья. У НИХ. Мемуары

Марк Шагал	207
Хулио Кортасар	211
Натали Саррот	215
Ольга	230
Диана	247
Татьяна и Франсин (мать и дочь)	262
Нэнси	301

Часть первая

МОЯ
ЖИЗНЬ

Никита Сергеевич Хрущев

Эпизод, произошедший на встрече Н. С. Хрущева с интеллигенцией 8 марта 1963 года, растиражирован. Как только чуть-чуть приоткрыли архивы КГБ, одному из участников записи скандала удалось получить стенограмму, которую он нам и подарил. Вслед за этим другой корреспондент принес видеозапись происшедшего, так появился воспроизведенный текст и документальное кино исторического для интеллигенции события. Эти эпизоды вошли во все фильмы о Вознесенском, в том числе в юбилейный фильм к семидесятилетнему и семидесятипятилетнему юбилеям. Однако гроза разразилась не сразу. Уже случился разгром судьями Белютина, альманаха «Тарусские страницы», публичное издевательство над поэтессой Маргаритой Алигер и диалог уже разъяренного Никиты Сергеевича после увиденного на выставке Эрнста Неизвестного со скульптором.

Фраза, выкрикнутая Хрущевым во время про- работки Вознесенского: «Вы думали, у вас оттепель? Оттепель кончилась, наступят заморозки» — стала ключевой для этого времени, как судьбоносными для этих художников стали фразы: «Ишь, что придумали, какую-то свою партию, а я вот горжусь тем, что я член коммунистической партии» и заключительная: «Вон, господин Вознесенский, из Советского Союза, паспорт вам выпишет Шелепин*». Не будь крика и угроз Хрущева, быть может, не уехали бы из страны художники-неформалы: Эрнст Неизвестный, Олег Целков, Лев Збарский, Оскар Рабин, Эдуард Штейнберг, не легли бы на полку десятки готовых фильмов, не был бы остановлен поток отечественной самиздатовской литературы здесь и на «других берегах». Никто не ожидал, когда поэт медленно сходил с трибуны, неуверенно пересекая сцену, что Никита Сергеевич, быть может, что-то инстинктивно поняв, вдруг протянет поэту руку со словами: «Ну ладно, идите, работайте». Толкователи истории, сильно продвинутые в тогдашней политике, поняли это так: «Вознесенского не посадят, но неизвестно, как сложится отношение к нему дальше». Эта неуверенность спасла Вознесенского. Не прозвучало сверху сигнала гнать и топтать, власть выжидала, а через неделю стало известно, что был дан сигнал в Союз писателей исключить «бунтарей». В назначенный день Андрей уже улетел в Ригу.

Центральным моментом истории стал неистовый гнев генсека ЦК после начала выступления Андрея Вознесенского. Быть может, впервые глава страны при-

* Александр Шелепин (1918–1994) — советский партийный и государственный деятель. С 1962 по 1965 год возглавлял Комитет партийно-государственного контроля при ЦК КПСС и Совете министров СССР, одновременно являясь заместителем председателя Совета Министров СССР.

людно кричал на 29-летнего поэта, не дав ему продолжить. Этот эпизод оставил не только кровавые следы на состоянии здоровья Андрея, но и множество строк в его поэзии. Пережитое отозвалось в поэме «Оза»:

Когда беды меня окуривали,
Я, как в воду, нырял под Ригу,
сквозь соломинку белокурую
ты дыханье мне дарила»;
«Будь ты проклята, громада
программированного зверья,
будь я проклят за то, что я
слыл поэтом твоих распадов»;
«...Через рев их ты шла мне на помощь,
если жив я назло всем слухам,
в том вина твоя и заслуга».

из «Закарпатского дневника»:

«За что ты бьешь, палач бесчестный,
за веру или за Отечество,
за то, что перепил, видать,
и со страной не совладать...»

и многие другие.

Разгром интеллигенции, неистовая поддержка гонений самодержца, обрушившихся на самых талантливых молодых художников страны, произвела в те годы шокирующее впечатление на очевидцев и, конечно же, на всех людей, узнавших об этом.

Я услышала о том, что произошло, из уст Юрия Александровича Завадского, руководителя театра Моссовета, близкого друга Галины Улановой и одного из самых чтимых

мых аристократов ума и поведения в стране. Я поднялась в лифте на пятый этаж Дома актера, который тогда находился на улице Горького, чтобы прочитать какой-то свежий материал об Александре Таирове и Алисе Коонен, и увидела идущего навстречу Завадского. «Зоя, — кинулся он мне навстречу с искаженным ужасом лицом, — что сейчас было, что было!» И он обхватил голову руками, страдальчески опустив веки. «Если б вы видели, как Хрущев кричал на Вознесенского! Это было отвратительно! Как это может быть?!» Я остановилась, как вкопанная, в голове пронеслось сказанное Андреем накануне. Мы уже тесно дружили, никаких иных отношений между нами еще не было, но нас скрепляло безграничное доверие, которое он испытывал ко мне. Позвонил он накануне, 7 марта, посоветоваться, как ему выступить. Он непременно хотел каким-то образом ответить на удар ленинградского поэта Александра Прокофьева, который в своих стихах как-то его оскорбил. Уже предчувствуя отношение властей к группе молодых, официальные чиновники из писателей время от времени пытались уничтожить их первые публикации. Так, у Николая Грибачева были известные стихи «Нет, мальчики!», на которые впоследствии Роберт Рождественский ответил стихотворением «Да, мальчики!» Это шла борьба поколений, эстетических позиций, режимного цензурирования литературы и жажды свободы.

Я спросила у Андрея, что он еще хочет сказать, кроме отпора Прокофьеву. Он ответил, что прочитает стихи: «Я не оратор и не полемист, меня настоятельно просили выступить, и я выступлю в роли поэта». Андрей нервничал, это ощущалось даже по телефону, но, в общем, было и некоторое предчувствие легкого скандала, его всегдашние потребности выйти за очерченные границы дозволенного.

– Что он кричал? – спросила я Завадского. Он зама- хал на меня руками.

– Не спрашивайте, не спрашивайте! Это невозмож- но повторить, невозможно поверить в это. Он (Хру- щев – З. Б.) пытался уничтожить его (Вознесенского – З. Б.) и грозил изгнанием из страны.

Весь тот день я только и слышала о скандале, раз- разившемся в Кремле. После целого ряда выступав- ших предоставили слово Вознесенскому. Что произо- шло, запечатлено в сотнях телесюжетов, подробнее описано в воспоминаниях современников и в протоко- лах политической жизни Кремля. Однако в 2003 году нам подарили рассекреченную пленку из архивов КГБ, ее извлек крупный фотограф, принимавший участие в качестве корреспондента на этих встречах. То, что мы увидели на экране, казалось невероятным даже сегодня. Наш близкий знакомый, увидев эпизод доку- ментальной съемки, включенный в фильм о Вознесен- ском, был потрясен: «Мы думали, ну что-то там было, ну покричал бесноватый, подумаешь, это только рекла- ма! Они же после этого ездили по заграницам, выпуска- ли книги, какие там гонения?! А теперь оказалось, что попытка уничтожения – это как танк, который чудом не раздавил их. Конечно повезло, что то время уже не могло вернуться...хотя кто знает?»

Андрей вышел на трибуну, взял в руки стакан воды, дежурно стоявший рядом, и произнес первую фразу: «Я, как и мой любимый учитель Маяковский, беспартий- ный...» Истошный крик, раздавшийся сзади, прервал его выступление. Позади поэта, тесно сомкнувшись вокруг генсека, сидело все политбюро: Шелепин, Козлов, Семи- частный, Молотов и т.д. Ошеломленный поэт, не оборо- ачиваясь, пытался что-то ответить, быть может, просто продолжить, но крик стоял непрерывный. «Вон, Возне-

сенский, вон из страны. Вы думаете... А я горжусь, что я член партии. Вы хотите какую-нибудь другую партию...» И тут он сказал ту ключевую фразу «кончилась оттепель, заморозки начались», которая остановила культурную жизнь в стране на несколько месяцев. Эти заморозки повлияли на все сферы жизни художественной интеллигенции.

На киноплёнке видно – не оборачиваясь, поэт роняет стакан с водой, все еще пытаюсь возразить. Меня всегда поражало, что, в отличие от многих людей, подвергавшихся публичной порке, у Андрея не нашлось слов: «Я не так выразился», «Извините, не подумал», «Я не то хотел сказать». Его фанатическая вера в собственное слово, его убежденность, что стихи могут все – заставили его здесь твердить только одно: «Дайте мне договорить». Ему казалось, если его выслушают до конца, все полностью изменится. Однако с каждым новым его словом ярость за его спиной все усиливалась. Фраза Хрущева «Вон из Советского Союза...» стала решающим ударом по психике Андрея. Он ничем не выдал происходящего внутри него и поднял голову только тогда, когда услышал: «Ну ладно, работайте» и протянул руку.

Он шел по брусчатке Кремля поздним вечером, в ушах звенели слова правителя, воздетые против него кулаки, непрекращающийся ор зала, вторившего главному начальнику, и казалось, что жизнь кончена. В темноте от удаляющейся горстки людей отделился всего один человек. Он подошел к Андрею, полуобняв его, сказал: «Не горюй, все обойдется, пойдем лучше ко мне, выпьем». Это был Владимир Солоухин, автор выдающихся «Владимирских поселков», собиратель икон и в душе монархист, он привел Андрея к себе, напоил, показал свою коллекцию.

Много времени спустя, когда мы уже были вместе, Андрей, навещая меня в Доме творчества, рассказал эпизод из того времени: в одном из коттеджей Дома творчества жила писательница Галина Серебрякова*. Мы все знали, что она тяжело пострадала во время Сталинских репрессий, говорили, что ее избивали, домогались, и что случайностью и счастьем было то, что она уцелела, вышла из заключения. Она была женой крупного советского чиновника, писала рассказы и повести. Однажды, она подошла в столовой к Андрею и пригласила зайти в коттедж, посидеть и поговорить. Когда он пришел, она внезапно скинула халат и показала ему ровный шрам на своем теле, который был на месте груди. Андрей, мало приспособленный к подобного рода зрелищам, отшатнулся, испугавшись, а Серебрякова начала уверять его, что столь откровенного жеста он заслужил своим исключительным талантом. Писательница говорила, что она поклоняется его стихам, готова читать их без конца и просит подарить ей первую же книгу, которая у него выйдет. С умилением, прослезившись, она попрощалась с ним в тот день. На Кремлевской встрече сквозь пелену, застлавшую глаза во время воплей Хрущева, Андрей различил в первом ряду Галину Серебрякову, которая с перекошенным лицом, воздев руки, кричала: «Вон, вон, вон!» И такое бывало.

Юрий Александрович Завадский, рассказывая мне о сцене в Кремле, не подозревал, как близко меня это касается. Едва закончив разговор, я кинулась к телефону, пытаясь разыскать Андрея. Безуспешно. Его мать, Антонина Сергеевна, исключительно хорошо ко мне относившаяся до нашей женитьбы (после сообщения

* Галина Серебрякова (1905–1980) – русская и советская писательница и журналистка, автор романов о Марксе и Энгельсе.